

# Предвоенный курс Сталина – курс на Победу

Юрий Жуков

Одной из ярчайших примет нашего времени стало обличение Сталина во всех смертных грехах. По любому поводу и без повода в художественных телесериалах, псевдодокументальных телефильмах, в популярных статьях, даже в как бы случайно брошенных фразах. Только для того, чтобы обличение звучало как можно чаще, лучше всего – постоянно. Навязчиво, назойливо.

Особенно в том усердствуют журналисты и публицисты, писатели, утратившие или теряющие популярность. Единственные, кто имеет возможность регулярно обращаться к многомиллионной массе зрителей и читателей, влиять на них, манипулировать их сознанием. Они-то и пользуются любой возможностью, чтобы подвергнуть уничижающей критике либо просто облить грязью Сталина, «сталинский режим», а заодно и все, что только можно связать с ним. Таковым же оказывается «всего-навсего» восемьдесят лет истории нашей страны – от революции 1917 г. до «перестройки».

Но обличители не довольствуются одним лишь этим. Пытаются заодно вычеркнуть советские годы из нашей памяти, да еще и внушить всем нам чувство вины за прошлое. Для того обличители не утруждают себя неоспоримыми доказательствами. Просто придумывают их, ибо уверены: в данную минуту никто при всем желании не сможет возразить им, опровергнуть их. Безнаказанно пользуются тем самым средством, которое как самое надежное в борьбе с соперником предлагал в пьесе Бомарше «Севильский цирюльник» учитель музыки Базиль доктору Бартоло, незадачливому жениху Розины. «Я видел честнейших людей, – растолковывал со знанием дела Базиль, – которых клевета почти уничтожила. Поверьте, что нет такой пошлой сплетни, нет такой пакости, нет такой нелепой выдумки, на кото-

---

**ЖУКОВ Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН. E-mail: [www.iri-ran.ru](mailto:www.iri-ran.ru)

**Ключевые слова:** Сталин, индустриализация, коллективизация, модернизация, подготовка к войне, внутрипартийная борьба, советская дипломатия, народные фронты.

рую в большом городе не набросились бы бездельники, если только за это приняться с умом, а ведь у нас здесь по этой части такие есть ловкачи!»<sup>1</sup>.

Попробуем же отмыть факты от клеветы. Беспристрастно рассмотрим далеко не все, но основные обвинения, которые предъявляют Сталину, а заодно и всему нашему народу.

## На задворках Европы

**С**тало расхожим мнением, что царская Россия якобы находилась на одном уровне экономического развития с ведущими странами Запада. Даже могла их довольно быстро обогнать, если бы не революция.

Так ли это?

Не станем обращаться к предположениям, ибо это бессмысленно. Остановимся для начала на показателях предвоенного 1913 г.

По добыче угля Россия находилась со своими 35,9 млн. т на пятом месте. После США – 517 млн. т, Великобритании – 292, Германии – 190, Франции – 40,8.

То же пятое место занимала царская Россия и по производству чугуна, стали. В США – 81,1 и 31,8 млн тонн соответственно, в Германии – 16,7 и 17,1, в Великобритании – 10,4 и 7,7, во Франции – 5,2 и 4,6 в России – 4,6 и 4,2. Отсюда проистекло все остальное. Отсутствие у нас производства автомобилей (правда, в Риге находился сборочный завод «Руссо-Балт») и самолетов, тракторов, комбайнов, подъемных кранов, станков, шарикоподшипников, многого иного.

Но, может быть, занимая более чем шестую часть суши, Россия все свои силы и средства тратила на развитие столь необходимых ей железных дорог?

Нет, и здесь она тащилась в хвосте у промышленно развитых стран. Будучи в три раза с лишним больше США, располагала железными дорогами в пять раз меньшими по протяженности – 71,9 тыс. км против 401,9 тыс. км. Еще более разительным выглядел контраст России с Германией. Превосходя последнюю почти в сорок раз по территории (22 млн. кв. км и 0,54 млн. кв. км), располагала практически

равными железнодорожными путями – 71,9 тыс. км и 63,4 тыс. км. При этом необходимо подчеркнуть, что важнейшие стратегические железные дороги, связывавшие центр страны с портами на открытых морях – с Архангельском и Владивостоком, в значительной своей части были одноколейными.

Такая отсталость и обусловила неготовность России к войне. С первых же месяцев боевых действий ей пришлось срочно закупать в Великобритании, Франции, США и даже в Японии пушки и снаряды, винтовки, пулеметы и патроны, броневики, а также амуницию. Доставлять все в действующую армию, на фронт из Архангельска и Владивостока. А чтобы ускорить жизненно важную транспортировку, поспешно, используя принудительный труд военнопленных, построить железную дорогу к Порту-Романову (ныне Мурманск).

И все же самодержавная Россия терпела одно поражение за другим. К сентябрю 1915 г. русская армия оставила Польшу, Литву, Курляндию, Западную Белоруссию, а спустя еще год оказалась на грани полного краха.

Вот как охарактеризовал положение страны в те дни царский министр внутренних дел А.Д.Протопопов: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль...»

Наборы обезлюднили деревню, оставили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев...

Многим казалось, что только деревня богата, но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастной. Города голодали, торговля была задавлена постоянно под страхом реквизиций... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе»<sup>2</sup>.

Из создавшегося положения у России нашелся только один выход – ликвидация самодержавной монархии.

Николай II, получив 2 (15) марта ультимативное требование командующих фронтами, незамедлительно отказался от власти. Подписал отречение.

В тот же день в Петрограде возник самозванный Временный комитет Го-

сударственной думы, не предусмотренный действовавшим законодательством. И, в свою очередь, опять же самочинно, передал власть Временному правительству. Так произошло то, что вскоре лидер кадетской партии П.Н. Милюков назвал «перерывом в праве».

Но и Временному правительству не удалось изменить ситуацию к лучшему. Более того, оно усугубило положение, позволив самозванной киевской Центральной раде, с согласия главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г.Корнилова, начать создание обособленных, только ей подчиненных «украинских» корпусов.

Русская армия как единый организм с этого момента перестала существовать.

## Индустриализация

Осенью 1925 г. большевистская партия раскололась на «левых» и «правых», расходившихся в одном – в сроках осуществления индустриализации, которую и те, и другие единодушно рассматривали как необходимую и неизбежную для нормального развития Советского Союза.

«Правые», и прежде всего Н.И. Бухарин (в 1924–1929 гг. – член Политбюро, в 1919–1929 гг. – член Президиума исполкома Коминтерна, в 1918–1929 гг. – ответственный редактор «Правды», в 1924–1929 гг. – главный редактор журнала «Большевик»), категорически возражали против ускоренной индустриализации. Полагали, что ее темпы следует обусловить накоплением государственных средств, а сами эти накопления должны образовываться за счет доходов, в основном, от внешней торговли.

«Левые» же настаивали на форсированной индустриализации, даже на сверхускоренных темпах. Ну, а как источник финансирования предлагали то,

что их теоретик, Е.А.Преображенский (в 1920–1921 гг. – секретарь ЦК, в 1921–1924 гг. – председатель финансового комитета ЦК и Совета народных комиссаров РСФСР и СССР – СНК, в 1924–1927 гг. заместитель председателя Главконцесскома Л.Д.Троцкого, чьим сторонником и сподвижником был долгое время) назвал «первоначальным социалистическим накоплением».

«Такая страна, как СССР, – писал Преображенский в своей фундаментальной работе «Новая экономика», – с ее разоренным и вообще достаточно отсталым хозяйством, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистического хозяйства».

И тут же разъяснял, что под последним понятием он имеет в виду кулаков и нэпманов.

Преображенский настойчиво повторял, открыто полемизируя с Бухариным и его сторонниками: «Мысль о том, что социалистическое хозяйство

может развиваться, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства является, несомненно, мелкобуржуазной утопией»<sup>3</sup>.

Преображенский не ограничивал источники финансирования индустриализации лишь сверхналогами на крестьян и нэпманов. Предлагал широко использовать эмиссию бумажных денег, железнодорожные тарифы, монополию банковской системы, регулярные займы у населения, пошлины на ввозимые товары и лишь в последнюю очередь – из-за неустойчивости мирового рынка – доходы от внешней торговли.

Предлагая свой курс, курс «левых», Преображенский не скрывал трудностей, которые непременно породит ускоренная индустриализация. «В самом начале социалистического накопления, – отмечал он, – государство ведет производство, несмотря на его убыточность, и стремится лишь к наименьшему убытку во всем хозяйстве в целом и далеко не всегда – к наименьшему убытку при выборе предприятий, которые надо пустить в ход»<sup>4</sup>.

На XV съезде ВКП(б), открывшемся 2 декабря 1927 г., выбор был сделан. Индустриализация проводится будет, причем ускоренными темпами – в пять лет, согласно разрабатываемому и предложенному делегатам плану. Значит, за счет крестьянства? За счет свертывания НЭПа? (даже это понятие Преображенский предлагал упразднить).

Выступая с политическим отчетом ЦК, Сталин порадовал делегатов.

Ссылаясь на данные Госплана, сообщил: наконец-то народное хозяйство по всем показателям вышло на довоенный уровень. Но не стал убеждать, что это предел возможного. Напротив, призвал партию «двигать дальше народное хозяйство нашей страны по

всем отраслям», но, прежде всего «двигать дальше всеми мерами индустриализацию». «Закрепить достигнутый уровень развития, усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны»<sup>5</sup>.

Однако прямого ответа – за счет чего финансировать эту индустриализацию – Сталин не дал. Вместо того неожиданно призвал товарищей по партии к весьма необычному. Наша задача, сказал он, «откупиться от капиталистов и принять все меры к сохранению мирных отношений... Основа наших отношений с капиталистическими странами состоит в допущении сосуществования двух противоположных систем» (выделено. – Авт.)<sup>6</sup>.

Такими словами, по сути, подтвердил обоснованность обвинения, брошенного Троцким на заседании Политбюро 12 августа 1926 года: «Товарищ Сталин выставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции»<sup>5</sup>.

Прояснилось все после продолжительного – в основном, о пятилетке – доклада А.И.Рыкова, главы правительства СССР и чуть ли не вчера одного из лидеров «правых».

Далеко не случайно выделил он проблему внешней торговли в особый раздел и недвусмысленно подчеркнул: «В пятилетнем плане необходимо исходить из того, что на протяжении ближайших пяти лет процесс индустриализации страны будет сильно зависеть от торговли с границей. Эта зависимость будет выражаться в необходимости импорта зарубежных машин для оборудования фабрик и импорта сырья для работы легкой промышленности». А потому добавил: «Партии и советским органам необходимо отнестись с

гораздо большим вниманием, чем до сих пор, к вопросам экспорта»<sup>6</sup>.

Только теперь всем стало понятно: предстояло осуществить план «левых», но способами, предложенными «правыми». Понятной стала и прямо не выраженная позиция Сталина. Заранее, в кулуарах ЦК, добившись именно такого компромисса, он проявил себя как истинный центрист. Не просто политик, а настоящий государственный лидер, не пожелавший поддерживать крайние точки зрения, раскалывать тем и партию, и общество. И только благодаря такому решению индустриализация и то, что она должна была принести с собой, обрела десятки миллионов горячих и искренних сторонников.

Для всех без исключения большевиков, и «правых», и «левых», выполнение пятилетнего плана означало продолжение дела, начатого революцией 1917 г. Для беспартийных – далекой от политики интеллигенции, пятилетка

означала продолжение дела Петра Великого, позволяла возратить страну в лоно европейской цивилизации, покончить с затхлым провинциальным бытом, нравами, корнями в Средневековье и практически не затронутыми революцией. Для проповедовавших твердую государственность – старых монархистов, националистов, и ново-явленных евразийцев – пятилетка облекала в явь мечту о Третьем Риме.

Для крестьян, включая и вчерашних, недавно перебравшихся в города, ставших рабочими, служащими, даже партийными работниками, пятилетка сливалась с проповедовавшейся христианством легендой и грядущем тысячелетнем царствии Божиим на Земле, в поисках которого не раз снимались с места целыми деревнями, устремлялись в неведомый путь, полный невзгод, ради достижения если не завтра, то через год, десятилетие, земли обетованной. Для кого – Беловодья, для кого – града Китежа...

## Курс Сталина

**Ч**тобы хотя бы приблизиться к экономическим показателям таких стран, как США и Великобритания, Германия и Франция, следовало прежде всего увеличить выплавку чугуна втрое – с 3,3, млн. т в 1927–1928 гг., до 10 млн. т в 1932–1933 гг.

За тот же срок надлежало добиться роста выплавки и цветных металлов: меди – с 28,3 тыс. т до 84,7, цинка – с 3 тыс. т до 74,4.

Столь стремительный подъем металлургической промышленности должен был обеспечить многое, а именно:

- наращивание добычи руды;
- модернизацию старых, отсталых, дореволюционных заводов преимущественно в Донецко-Криворожском бассейне и строительство флагманов индустрии: Запорожского, Куз-

нецкого, Магнитогорского комбинатов.

Отечественные чугун и сталь обеспечат работу автомобильных, тракторных, комбайновых, авиационных, моторных, станко-инструментальных и иных заводов, каких страна никогда не имела. В свою очередь, все они вместе с химическими комбинатами – Березняковским, Соликамским – позволят поднять сельское хозяйство.

Задуманное увеличение промышленной продукции в целом на 180%, средств производства – на 290%, а предметов потребления на 144% требовало вложения в народное хозяйство колоссальных средств. По ориентировочной оценке Госплана – приблизительно 65 млрд. руб. (через два года выяснилось, что экономисты ошиб-

лись, преуменьшив предстоящие расходы в несколько раз).

Уже весной 1928 г. стало ясно: таких денег у страны пока нет и в ближайшее время не предвидится, особенно валюты, так как при хлебозаготовках не сумели добрать 2 млн. т зерна, предназначенного на экспорт.

В конце апреля казалось бы самый простой и быстрый способ разрешения возникшей проблемы предложил Рыков. По его мнению, следовало срочно продать за рубежом золота на 50 млн. руб., а с выручки расплатиться по неотложным краткосрочным кредитам и выплатить фирмам-поставщикам, с которыми уже были готовы договоры.

Предложение Рыкова, 16 августа единогласно утвержденное Политбюро, хотя и с некоторым ограничением – золота вывезти не больше, чем на 40 млн. руб., никак не устраивало центристскую группу Сталина. Она не могла не понимать, что подобная мера, дав передышку, проблемы так и не решит. Слишком скоро придется снова изыскивать такие же разовые источники финансирования, постоянно латая тришкин кафтан.

Становилось слишком очевидным, что «правые», предложив свой источник финансирования индустриализации, поддержанной ими, явно ошибались, что привело к той ситуации, о которой Сталин вскоре скажет так: «В капиталистическом мире идут большие споры насчет наших финансовых возможностей... Говорят, что мы банкроты и падение советской власти – дело нескольких месяцев, если не недель»<sup>7</sup>. А на июльском пленуме ЦК генсек выразится столь же сдержанно, хотя и подчеркнет: «Наша страна не может, не должна заниматься грабежом колоний... Не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне... Остается одно: развивать промышленность, ин-

дустриализовать страну за счет внутренних накоплений»<sup>8</sup>.

И сразу же пояснил: речь идет о крестьянстве.

Партия твердо намерена помочь бедноте и середнякам объединиться в колхозы. Однако пока об ускоренных темпах коллективизации речь не шла. Даже более двух лет спустя, в октябре 1930 г., она охватила всего 22,2% крестьянских хозяйств.

Между тем, два события, причудливо смешавшись во времени, кардинально повлияли и на собственно пятилетний план, и на сроки его выполнения. Сделали слово «темпы» важнейшим для страны на очень долгий период.

Летом 1929 г. произошел так называемый советско-китайский конфликт – вооруженное столкновение с милитаристской группой маршала Чжан Сюэяна.

Желая безраздельно господствовать в Маньчжурии, он организовал ничем не оправданный налет на советское консульство в Харбине и захватил Китайскую Восточную железную дорогу, принадлежавшую СССР. Одновременно его трехсоттысячная армия начала сосредоточиваться близ советской границы и создала явную угрозу Благовещенску и Хабаровску, Транссибирской магистрали.

И тут обнаружилось, что Красная Армия слишком слаба для отпора даже слабо подготовленной, скверно вооруженной, недисциплинированной маньчжурской группировке.

Только к октябрю удалось перебросить из европейской части страны наиболее боеспособные дивизии и сформировать из них Особую Дальневосточную армию. Ей же потребовалось полтора месяца для того, чтобы разгромить войска Чжан Сюэяна, восстановить мир и спокойствие на дальних рубежах.

Угроза позорного поражения заставила Сталина в самом начале конфликта, 15 июля, срочно обсудить создавшееся положение и принять сверхсекретное, отпечатанное всего в пяти экземплярах, постановление ЦК «О состоянии обороны СССР», констатирующее «целый ряд недостатков как в подготовке Красной Армии, так и всего народного хозяйства к обороне».

Отметило постановление и более суровое, а именно то, что «техническая база вооруженных сил все еще весьма слаба и далеко отстает от техники современных буржуазных армий», «подготовка всей промышленности, в том числе военной, к выполнению требований вооруженного фронта совершенно неудовлетворительна»<sup>9</sup>.

Постановление потребовало самым категорическим образом от Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) добиться в ходе выполнения пятилетнего плана, чтобы Красная Армия обязательно получила 3,5 тыс. самых современных самолетов, 4–5 тыс. танков, 12 тыс. орудий. Иными словами, начать для того строительство соответствующих заводов.

И все же несоизмеримо большее воздействие на советскую экономику оказало 29 октября 1929 г. – день, вошедший в историю как «черный четверг», день начала самого глубокого и продолжительного мирового кризиса, напрямую затронувшего и СССР, ибо выполнение пятилетнего плана велось за счет краткосрочных кредитов, которые перед тем погашались за счет прибыли от экспорта. Того самого, на который так рассчитывали «правые», но который практически прекратился. Ведь теперь каждая страна желала продавать, но никак не покупать.

Советский Союз, как выяснилось, так и не успел погасить уже имевшиеся долги по многочисленным кредитам.

«Форду» – за автомобильный завод, возводимый на окраине Нижнего Новгорода.

«Катерпиллеру» – за тракторные заводы в Сталинграде, Харькове Челябинске, комбайновые в Ростове на Дону и Саратове.

«Дугласу» и «Юнкерсу» – за авиазаводы в Москве и Ленинграде.

«Райту» за моторостроительные заводы... Только у американских фирм был взят кредит на общую сумму в 350 млн. долл. – на пять лет под 1% годовых.

Предстояло расплатиться с ними за крекинговый завод, бурильные станки и трубы для нефтяной промышленности, за завод синтетического каучука, который строили в Ярославле.

Мало того, чтобы завершить начатые стройки, требовалось продолжать покупать строительные машины, оборудование, платить иностранным инженерам и рабочим. Но на все это денег уже не было. Поэтому перед руководством, перед Сталиным встал вопрос: либо расплатиться по всем кредитам и «заморозить» незавершенные стройки, остановив тем индустриализацию, либо любой ценой продолжить претворение пятилетнего плана в жизнь. Сталин, его группа и, следовательно, все руководство страны избрали второе.

Летом 1930 г. ОГПУ получило задание во что бы то ни стало изъять у населения валюту и ценности на сумму в 4,5 млн. золотых рублей. Водку стали выпускать не в 43°, а в 40°, заодно поднимая на нее цену. Потребовали от наркомата внешней и внутренней торговли экспортировать хлеб – на 4,5 млн. золотых рублей, платины – на 1,5 млн., золота – 67 т. Тогда же ввели и карточки на хлеб, крупы, мясо, яйца, иные продукты питания, на товары широкого потребления.

Столь жесткие, ударившие по всему населению, меры нуждались в объяснении, и Сталин дал их. Но не на XVII съезде ВКП(б), созыв которого отсрочили, как оказалось, до февраля

1934 г., и не на XVII партконференции, проведенной в феврале 1932 г., ибо в партийной среде, как среди «правых», так и «левых», зрела оппозиция политике Сталина.

Генсек выступил 4 февраля 1931 г. на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Объяснил свою линию как всегда просто, ясно, доходчиво: «В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, это возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение...»

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать.

История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную.

Били потому, что это было выгодно и сходило безнаказанно.... Таков уж закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать...».

Сталин не сулил золотые горы, не обещал построить социализм за одну

или две пятилетки – это делали «левые». Зато мимоходом бросил фразу, непривычную в речи марксиста, большевика: «Теперь у нас есть Отечество». И это после пропаганды на протяжении многих десятилетий прямо обратного по смыслу, считавшегося бесспорным, фундаментального постулата – у пролетариев нет отечества».

Не развив столь крамольную мысль, Сталин поспешил вернуться к основному. К вопросу о темпах. Еще раз и предельно просто объяснил необходимость индустриализации, модернизации экономики страны: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»<sup>10</sup>.

Страна поверила Сталину. Ценой величайших жертв и лишений завершила эту гигантскую работу, хотя и не в одну, а две пятилетки, и далеко не все запланированное. Но главное – это Запорожский, Магнитогорский, Кузнецкий металлургические комбинаты, машиностроительный гигант в Свердловске, тракторные, комбайновые заводы, авиационные, судостроительные. (Их построили и пустили весьма своевременно).

Модернизировать экономику в целом новые предприятия помогли не раньше, чем через два-три года, а то и позже. Еще более отдаленную перспективу имело введение с 1 сентября 1930 г., впервые за всю многовековую историю страны, всеобщего, бесплатного, обязательного начального (четырёхлетнего) образования.

Но преобразования обходились Советскому Союзу очень дорого.

Так, в 1931 г. отрицательное сальдо внешней политики составило около 300 млн. руб. золотом, со всеми долгами удалось расплатиться к концу 1934 г. А от карточной системы сумели отказаться только с 1 января 1936 г.



## Курс Сталина продолжается

**С**талин упорно шел по избранному пути к намеченной цели, не позволяя никому и ничему остановить себя. Как очень скоро выяснилось, в том он не ошибся. Его решения оказались не просто единственно возможными, но и предельно своевременными. В начале 30-х годов политическая ситуация в мире резко ухудшилась, породив отнюдь не надуманную, а вполне реальную угрозу войны. Для СССР – на два фронта.

В конце 1931 г. японские войска оккупировали Маньчжурию, охватив Советский Союз с северо-востока, от Камчатки до Монголии. Этим стали претворять в жизнь «Меморандум» К.Танаки, премьер-министра Японии, писавшего еще в 1927 г.: «В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией»<sup>11</sup>.

В январе 1933 г. Гитлер стал канцлером. Пришел к власти и привел свою нацистскую партию чисто демократическим путем, победив на выборах в рейхстаг. Всем, кто читал его книгу «Майн кампф», стало очевидным: отныне Германия будет не только стремиться к реваншу, возвращению утраченных по Версальскому договору территорий; она непременно нападет на своего основного идеологического противника, на СССР.

К войне даже на одном фронте, неважно – на востоке или на западе, Советский Союз все еще не был готов. Программа перевооружения Красной Армии, основанная на выполнении пятилетнего плана и неоднократно корректировавшаяся, предусматривала завершение модернизации советских Вооруженных Сил лишь к концу 1942 г. Никак не раньше. Вот и пришлось Москве срочно искать возможных союзников среди тех стран, которым уг-

рожала нацистская агрессия, прежде всего в лице Франции и Чехословакии.

Париж и Прага не возражали, но заключение оборонительного договора оговаривали непременным вступлением СССР в Лигу Наций. В ту самую международную организацию, которую с момента ее создания большевики клеймили как «ничем не прикрытый инструмент империалистических англо-французских вождеделений, ... направленных своим острием против страны диктатуры пролетариата»<sup>12</sup>.

Отлично сознавая, что вступают на путь открытого ревизионизма – с точки зрения ортодоксальных большевиков – Сталин и его ближайшие сподвижники, Молотов, Каганович, Орджоникидзе и Ворошилов, 9 декабря 1933 г. приняли решение, которое даже не потрудились оформить как документ Политбюро. «СССР, – гласил он, – согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»<sup>13</sup>.

В Париже считали, что непременным участником такого соглашения должна стать Польша. Страна, захватившая в 1919 г. наибольшую по площади немецкую территорию и все еще не разрешившая спор с Берлином по поводу Данцигского коридора. Однако Польша пошла иным путем. 26 января 1934 г. она подписала с Германией договор о ненападении сроком на десять лет, предусматривавший отказ обеих сторон от пересмотра границ.

Но Сталин уже сделал свой выбор – окончательный. 15 сентября по официальному предложению Франции, 30 стран обратились к СССР с предложением вступить в Лигу Наций. Советское правительство приняло предложе-

ние, и 18 сентября ассамблея Лиги Наций проголосовала за принятие СССР, а также за предоставление ему места и в Совете Лиги. Вслед за тем, 2 мая 1935 г., в Париже полпред СССР В.П.Потемкин и министр иностранных дел Франции П.Лаваль подписали договор о взаимопомощи. 16 мая аналогичный как по смыслу, так и по содержанию договор подписали в Праге советский полпред С.С.Александровский и чехословацкий министр иностранных дел Э.Бенеш.

Не ограничиваясь восстановлением, по сути, Антанты, Сталин попытался воздействовать на делегатов VII конгресса Коминтерна, открывшегося в Москве 25 июля 1935 г. и добиться от них одобрения и безусловного признания нового курса. Вернее, отказа от идеи мировой революции как первоочередной задачи, от дальнейшей, пагубной для всех конфронтации с социал-демократией ради самого насущного – борьбы с фашизмом и предотвращения войны.

Главную роль в этом сыграл ставший всемирно известным благодаря своему поведению на Лейпцигском процессе болгарский коммунист Георгий Димитров. Сразу после освобождения из нацистской тюрьмы и прилета в Москву (27 февраля 1934 г.) он был введен в Политсекретариат, а затем и в Президиум Исполкома Коминтерна.

Обмен мнениями Димитрова и Сталина привел к появлению в начале 1935 г. «Указания Политбюро ЦК ВКП(б) о работе делегаций ВКП(б) в Коминтерне». Оно закрепляло наиважнейшее, с точки зрения Сталина, для мирового коммунистического движения: «Используя огромный опыт работы ВКП(б) и популяризируя его среди компартий необходимо, однако, избегать механического перенесения методов ВКП(б) на компартии капитали-

стических стран, работающих в совершенно иных условиях и стоящих на совершенно ином уровне развития»<sup>14</sup>.

Однако ничто, даже авторитет Политбюро и лично Сталина поначалу не могло повлиять на взгляды коминтерновцев, заставить их отрешиться от старых, уже нисколько не связанных с истинным положением дел представлений и оценок. Лишь в результате пятидневной дискуссии удалось изменить настроение делегатов конгресса. Димитров, выступая со вторым основным докладом (первый сделал Вильгельм Пик), не стал обосновывать необходимость единого фронта. Исходя из него как уже вполне реального, неоспоримого факта, он перешел к тактике и стратегии единства действий: «Мы учитываем, что может наступить такое положение, когда создание правительства пролетарского единого фронта или антифашистского народного фронта станет не только возможным, но и необходимым в интересах пролетариата, и мы в этом случае без всяких колебаний выступим за создание такого правительства»<sup>15</sup>.

Необходимость, пусть и иносказательно, подвести теоретическую базу под создававшийся антигерманский блок поддержал выступивший с третьим основным докладом Эрколи (Пальмиро Тольятти), генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии. Он сумел добиться, чтобы в резолюцию конгресса, хотя бы по его докладу, включили следующее положение: «Если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одной или нескольких крупных империалистических держав, которые захотят уничтожить его национальную независимость и национальное единство или произвести его раздел (здесь явно подразумевались Австрия и Чехословакия. – Авт.), ...то война нацио-

нальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принят характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться»<sup>16</sup>.

VII конгресс Коминтерна стал последним в его истории и завершил его деятельность. Зато уже в феврале 1936 г. народный фронт одержал победу на парламентских выборах в Испании, в мае – во Франции, а в 1938 г. – в Чили.

К сожалению, западные демократии, в том числе и правительство народного фронта во Франции, возглавлявшееся Леоном Блюмом, проявили вопиющую политическую близорукость. Они так и не оценили должным образом призыв Советского Союза, призыв искренний; не пожелали занять твердую антигерманскую позицию; поступили так и во время гражданской войны в Испании, развязанной летом 1936 г. фашистским мятежом Франко; позволили Германии и Италии активно вмешаться в него, которые оказывали открытую помощь мятежникам, испытывали в боевых условиях новую военную технику и опробовали новые «методы» ведения войны (такие, например, как бомбардировки мирных городов, даже полное их уничтожение). То, что сначала продемонстрировали в испанской Гернике, позднее было осуществлено в британском Ковентри, нидерландском Роттердаме.

В 1937 г., когда японские войска с севера – из Маньчжурии, и с юга – из только что захваченного Шанхая, начали широкомасштабные боевые действия против регулярной армии Китая, продвигаясь навстречу друг другу и неуклонно расширяя зону оккупации, Великобритания, Франция и США остались безучастными наблюдателями, рассчитывая, что их-то минует чаша сия.

Безразлично отнеслись Лондон и Париж к аншлосу Австрии (март 1938 г.), хотя тот был категорически воспрещен Сен-Жерменским мирным договором (1919 г.), гарантом которого являлись Франция и Великобритания. В те же дни они безразлично отнеслись к тому, что Польша вынудила Литву отказаться от исконно литовской территории – Виленской области.

Столь же равнодушно отнеслись Париж и Лондон к судьбе Чехословакии. Осенью 1938 г. (15 и 22-го сентября) британский премьер Невилл Чемберлен дважды встретился с Гитлером и согласился с его планом расчленения Чехословакии. А 29 и 30 сентября, теперь уже вместе с французским премьером Эдуардом Даладье, беззащитно пренебрегшим оборонительными договорами с Москвой и Прагой, подписал в Мюнхене соглашение с Гитлером и Муссолини, то самое, на основании которого Чехословацкая республика и была ликвидирована. В октябре от нее оторвали приграничную Судетскую область, ставшую частью Третьего рейха. Польше, присоединившейся к стае хищников, дали Тешинскую область. В марте 1939 г. Германия захватила Чехию и Моравию, а Венгрия – значительную часть Словакии и Закарпатскую Украину.

В марте того же года немецкие войска заняли Клайпедскую область – бывшую Мемельскую, переданную Лигой Наций Литве в 1923 г. как компенсацию за оккупированную поляками Виленщину.

Великобритания и Франция на все это никак не реагировали. Их молчание означало если и не прямое одобрение, то, во всяком случае, потворствование.

Однако Сталин все еще надеялся, что в Лондоне и Париже одумаются, поймут всю опасность положения, хоть в последний момент, но все же пойдут

на создание действенного антигерманского военного блока, способного и остановить агрессора, и предотвратить войну. 17 апреля во Францию и Великобританию были направлены идентичные ноты, содержавшие именно такое предложение. Ответа не последовало.

И все же, выступая 31 мая на заседании Верховного Совета СССР, Молотов повторил советское предложение. То, которое в Москве неофициально обсуждали Сталин и бывший министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. И снова никакой реакции. Несмотря на это 23 июля СССР вновь предложил Франции и Великобритании незамедлительно заключить трехстороннюю военную конвенцию. Лишь тогда Лондон и Париж откликнулись. Но откликнулись более чем странно. Отправили в Москву делегацию во главе с британским адмиралом Р.Даксом и французским генералом Ж.Думенком, которые не были наделены полномочиями подписать с СССР военную конвенцию. И все же пе-

реговоры с ними продолжались с 11 по 19 августа, хотя было понятно, что они ни к чему не приведут. Да и не могли привести – по замыслу тех, кто их послал.

Сталин оказался перед решающим, судьбоносным выбором. Или в одиночку – ведь Великобритания и Франция отказались заключить с СССР военную конвенцию – вступить в войну, не успев еще подготовить к ней страну, или остаться пока в стороне от неминуемой схватки. Первый вариант осложнялся еще и тем, что советско-германская граница отсутствовала, а Польша категорически отказалась впустить на свою территорию Красную Армию.

Взвесив все «за» и «против», Сталин избрал второй вариант. Германского министра иностранных дел фон Риббентропа известили, что он может приехать в Москву для подписания договора о ненападении, аналогичного тем, что Берлин подписал с Данией 31 мая, с Эстонией и Латвией – 7 июня 1939 г.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Польша, не пожелавшая принять помощь от СССР, была разгромлена за три недели. Затем настала очередь Франции. 13 мая 1940 г., после восьми с половиной месяцев «Странной войны», в ходе которой не было сделано ни единого выстрела, немецкие войска начали наступление на западном фронте. А уже 22 июня принудили французское командование капитулировать.

Месяцем ранее Германия, практически не встречая сопротивления, захватила еще пять стран – Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Данию и Норвегию. А год спустя помогла Италии добиться победы в Греции, заодно оккупировав Югославию, раздробив ее на несколько марионеточных государств.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война.

Советский Союз подвергся нападению нацистской Германии и ее сателлитов – Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, Хорватии, Словакии, «добровольцев» из Франции и Испании, Бельгии и Нидерландов, Норвегии. И все же, несмотря на бесспорное превосходство противника, на которого работала вся Европа, СССР устоял. Устоял, ибо курс, избранный Сталиным в феврале 1931 г., оказался верным.

Индустриализация позволила, хоть и с некоторым опозданием, создать мощную оборонную промышленность. Географически размещенную таким образом, что вражеское вторжение лишь ненадолго прервало ее работу.

Политический строй, утвердившийся с принятием в 1936 г. новой, Сталинской конституции, привел к невиданному ранее сплочению народа, как один вставшего на защиту свободы и независимости своей Отчизны.

Три года Советский Союз противостоял врагу практически в одиночку. Ставшая союзником Великобритания боролась за сохранение своей империи – в Египте, Сингапуре, Бирме, Индии, на Новой Гвинее. Лишь тогда, когда Красная Армия доказала свое теперь абсолютное превосходство, когда разгром ею нацистской Германии стал бесспорен, в Европе появился Второй фронт.

6 июня 1944 г. британские, канадские и американские дивизии высадились в Нормандии. Высадились, чтобы успеть разделить лавры победителей.

8 мая 1945 г. в Берлине генерал-фельдмаршал Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции.

Победу, завоеванную величайшей ценой, советский народ навсегда связал с именем Сталина. И пока люди будут помнить о Великой Победе, помнить будут они и о Сталине.

### Примечания

<sup>1</sup> *Бомарше*. Избранные произведения. М., 1954. С. 303.

<sup>2</sup> Цит. по: *Миллоков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 434.

<sup>3</sup> *Преображенский Е.А.* Новая экономика. М., 1926. С. 63, 97.

<sup>4</sup> *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1949. Т. 10. С. 295, 289.

<sup>5</sup> РГАСПИ. Ф.17, оп.163, д.583, л.42.

<sup>6</sup> XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1928. С. 776.

<sup>7</sup> *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1950. Т. 12. С. 93.

<sup>8</sup> *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1950. Т. 11. С. 158.

<sup>9</sup> РГАСПИ. Ф.17, оп.162, Д.7, л.102.

<sup>10</sup> *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1951. Т. 13. С. 38–39.

<sup>11</sup> История войны на Тихом океане. М., 1957. Т. 1. С. 344.

<sup>12</sup> Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 4. Кол. 631–632.

<sup>13</sup> Исторический архив. 1995. № 2. С. 200.

<sup>14</sup> Цит по: *Адкбеков Г.М., Шахназаров Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 180.

<sup>15</sup> Правда. 1935. 29 августа.

<sup>16</sup> Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала. М., 1935. С. 38.